

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.54631/VS.2022.62-109178

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ УСЛУГ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ВЬЕТНАМА

А. Фьорд¹

Аннотация. В статье рассматриваются последние изменения в стратегии развития вьетнамской экономики: смещение акцента с промышленного сектора на сектор услуг. Это знаменательные перемены, если учитывать историческую линию, проводимую партией, на традиционное фабричное производство и роль пролетариата. В статье анализируются причины одобренного партией изменения экономического курса, отражающие общемировые тенденции. С одной стороны, отмечается, что после окончания холодной войны в развивающихся странах оказание услуг опережало промышленное производство, причём наиболее быстро растущие страны демонстрировали более высокий уровень сервисизации (в процентах от ВВП). С другой стороны, сохраняется и даже растёт заинтересованность в индустриализации, о чём свидетельствуют исследования и рекомендации доноров. Возникает контраст между Вьетнамом и такими странами, как Таиланд и Малайзия, которые в начале 1990-х годов превозносились как «новые индустриальные страны», а сейчас, похоже, столкнулись с относительной стагнацией в экономике. Быстрый экономический рост Вьетнама, причины которого лежат вне стратегии «модернизации и индустриализации», побуждает заново проанализировать драйверы перемен в экономике страны.

Ключевые слова: Вьетнам, экономическая политика, индустриализация, сервисизация.

Для цитирования: Фьорд А. Развитие сферы услуг как новое направление экономической стратегии Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 29–36.

Дата поступления статьи: 17.02.2022

Дата поступления в переработанном виде: 15.04.2022

Принята к печати: 10.05.2022

Введение

Настоящая статья преследует две цели. *Во-первых*, представить последние важные изменения в экономической политике Вьетнама с помощью целевой модели структурных перемен, которые в целом интерпретируются как смещение акцента с «фабрик и промышленности» на «услуги». *Во-вторых*, эти изменения рассматриваются в двух более широких контекстах: а) средние показатели в развивающихся странах указывают на сервисизацию, её зависимость от экономического роста и одновременно на то, что продолжает

¹ Фьорд Адам, адъюнкт-профессор, Институт стратегических экономических исследований Виктории, Университет Виктории, Австралия; почётный профессор Мельбурнского университета. E-mail: adam@aduki.com.au

сохраняться тенденция к индустриализации; б) даётся анализ возможных последствий этих перемен для страны в будущем.

Политический вопрос: модель экономических изменений

И до, и после реформ *Đổi mới* («Обновление») лозунгом экономической политики Коммунистической партии Вьетнама были «*hiện đại hóa, công nghiệp hóa*» («модернизация и индустриализация»). Это было заявлено в начале 1990-х годов и одобрено донорами, в том числе Всемирным банком. Индустриализация ясно предполагала сокращение доли в валовом внутреннем продукте (ВВП) сельского, лесного хозяйства и рыболовства, то есть отраслей, преобладавших в основном в сельскохозяйственной стране сразу после воссоединения в 1975–1976 гг. Планировалось, что рабочая сила и капитал из этих отраслей будут перетекать в промышленность и всё больше там концентрироваться. Такое положение соответствовало представлению о вьетнамском обществе как о союзе крестьян и фабричных рабочих («*liên minh công nông*»). Многие тогда считали это естественным результатом экономических преобразований. Данный курс был нормативно закреплён как прогрессивный, и решения, принимаемые на всех уровнях, были направлены на его осуществление.

Ранее вьетнамские экономисты, основываясь на коммунистической советской методологии, измеряли так называемые *совокупный общественный продукт* и (*произведённый*) *национальный доход* [Fforde & Paine 1987: Tables 19–24]. По этой методологии в определённой степени игнорировался сектор услуг, предлагалось измерять долю промышленности в произведённом национальном доходе, которая в период с 1960 по 1975 г. выросла (для Демократической Республики Вьетнам) с 18,6 % до 27,9 % [Там же: Table 21]. Эти данные были призваны подчеркнуть возможности промышленного производства, что входило в стереотип «модернизации и индустриализации». Кроме того, это связывалось с военно-техническим потенциалом, так как считалось, что перевес в производстве вооружений – танков, самолетов и пр. – явился основой победы СССР и США во Второй мировой войне над странами Оси, уступавшими по этим показателям [Ellis 1990]. Отсюда легко понять приверженность КПВ индустриализации как основной экономической цели после 1975–1976 гг. и после окончания холодной войны. Замена советской статистической методики системой учёта национального дохода, разработанной в конце 1930-х – начале 1940-х годов [Kuznets 1942], в которой использовались довольно схожие методы, позволила измерить процесс структурных преобразований через изменение доли ВВП, приходящейся на промышленность. Ожидалось, что при успешном экономическом развитии доля оплаты труда и капиталовложений в промышленности должна возрасть. Кроме того, планировалось создание отечественной военной индустрии (как в Северной Корее), а также производство промышленных товаров народного потребления и активное строительство в рамках ожидаемой урбанизации.

Однако, хотя после окончания холодной войны экономические изменения и связанное с этим сокращение бедности происходили очень быстро, индустриализации страны не произошло. Напротив, при быстром росте ВВП доля оплаты труда и капиталовложений в сельском, лесном и рыбном хозяйстве падала, но и доля промышленности не росла, что, скорее всего, означало, что рост происходил за счет сектора услуг. Ранее отмечалось, что «в период с 2000 по 2014 г. было создано около 15 млн рабочих мест, в то время как в обрабатывающей промышленности и добыче полезных ископаемых всего лишь около 3,9 млн рабочих мест» [Fforde 2016: 9], а также что «...доля услуг в ВВП выросла с 38 % в 1992 г. до 43 % в 2013 г.

Кроме того, хотя доля широкой категории «промышленность» за тот же период выросла с 23 до 29 %, этот рост был в основном связан с увеличением добычи полезных ископаемых. В 2013 г. добыча полезных ископаемых составляла 12 % ВВП, хотя в начале 1990-х годов она была ниже 5 %; доля в ВВП других отраслей промышленности, кроме добывающей, упала примерно с 18 % в начале 1990-х годов до примерно 17 % в 2013 г. [GSO 1993: Table 18; GSO 2014: Tables 66, 68]. Если кто-то не верит этим цифрам, то следует иметь в виду, что это открытые данные количественных экономических изменений [Fforde 2016: 12].

С самого начала лозунг «модернизации и индустриализации» в большей степени относился к фабричному производству, а увеличение добычи сырой нефти, например, не рассматривалось как признак качественного экономического развития.

Поэтому необходимо с осторожностью подходить к показателям «промышленности» и «промышленной продукции». Автор более подробно рассматривает вьетнамские статистические данные в другой статье [Fforde 2021], здесь же целесообразно выделить три основных момента.

Во-первых, ВВП измеряет не фактический «выпуск продукции», а уровни экономической активности, определяемые долей оплаты труда и капиталовложений (последний концептуально должен был быть уточнён в советских определениях), то есть «добавленную стоимость». Называть это «выпуском продукции» значит вводить в заблуждение. В данном секторе он равен разнице между общим объёмом продаж и стоимостью ресурсов, которые не являются ни трудом, ни капиталом. По теории С. Кузнеця, это «реальная экономика», а не статистические данные, полученные для оценки «объёмов производства» без учёта изменения цен. Оплата труда и доходы от капиталовложений в конечном счёте ведут либо к сбережениям, либо к спросу на товары и услуги. В странах, где большая часть ВВП генерируется в сфере услуг, более высокая доля спроса будет приходиться на услуги в стоимостном выражении, а не на промышленные товары. Эта доля выше, чем когда индустриализация, а не предоставление услуг превалировала в странах с быстрым экономическим ростом.

Во-вторых, после окончания холодной войны наблюдаемая модель структурных изменений в развивающихся странах была такой же, как во Вьетнаме, в контексте сервисизации [Fforde 2018]. Взятые средние показатели, но они свидетельствуют, что Вьетнам, страна с быстрорастущей экономикой, предоставлял больше услуг, а страны с более медленным ростом – меньше. Это означает, что исходя из простой арифметики ВВП на одного работника в сфере услуг, как правило, выше, чем в других секторах.

Во Вьетнаме период быстрого роста начался с того, что ВВП на одного работника в обрабатывающей промышленности был примерно в два раза выше, чем в среднем по стране [Fforde 2022: Table 3]. Однако к 2018 г. он оказался на 10 % ниже среднего по стране. Рабочие, переходящие в сектор услуг, в среднем производили больше ВВП на одного работника, чем в обрабатывающей промышленности. Кроме того, несмотря на большие прямые иностранные инвестиции в производство в последние годы во Вьетнаме и на быстрый рост стоимости промышленного экспорта, связанная с этим экономическая деятельность приносила меньше доходов вьетнамским рабочим и владельцам предприятий. Об этом свидетельствуют разные данные. Общая валовая добавленная стоимость (ВДС) в секторе за 2018 г. (при курсе 25 000 вьетнамских донгов за 1 долл. США) составила около 35 млрд долл. Это сопоставимо с общим экспортом продукции обрабатывающей промышленности в том же году в размере 208 млрд

долл. по Международной стандартной торговой классификации [NGTK 2018: 612]² или 227 млрд долл. по данным Главного статистического управления Вьетнама [Там же: 611]. Очевидно, что эти экспортные стоимости включали довольно небольшую внутреннюю добавленную стоимость (ниже 15%, поскольку часть продукции сектора потреблялась внутри страны). Это показывает полезность данных о ВВП для демонстрации относительной стоимости экономической деятельности (с точки зрения формирования заработной платы и доходов на вложенный капитал).

В-третьих, детальное изучение сектора услуг показывает, что он отличается от промышленности в ключевом аспекте: отсутствие «подсектора», который мог бы выступать в роли «производства» как ведущий подсектор, призванный «обслуживать» другие. Два подсектора (финансовые услуги и недвижимость) показывают очень высокие уровни ВВП на одного работника, но они обеспечивают низкий уровень занятости, а соотношение ВВП/работник к среднему по стране сильно варьируется из года в год, что позволяет предположить (в ряду других соображений), что они сосредоточены на поиске и приобретении ренты. Услуги, таким образом, как часть стратегии сервисизации, концептуально выглядят как сфокусированные на текущих значениях оплаты труда и доходов на капитал (которые С. Кузнец считал «реальными» данными) и требуют более комплексного подхода. Здесь нет очевидной иерархии подсекторов, поскольку отсутствует «суперподсектор» (соответствующий, например, обрабатывающей промышленности, которая часто рассматривается как основной драйвер роста). Сегодня сектор услуг, который многие считают низкооплачиваемым, находящимся на обочине современной экономики, представляет отрасль с относительно хорошими заработками работников и доходами собственников.

Политический вопрос: ортодоксы говорят о «преждевременной деиндустриализации»

Предыдущий раздел может любого исследователя натолкнуть на мысль, что существует авторитетная литература по сервисизации. Но это не так. Данный термин вообще отсутствует в обзоре мирового развития Всемирного банка, нашлось в общей сложности только 36 упоминаний в аннотациях статей в базе данных EBCSO [<https://www.ebsco.com/products/research-databases#>] с 1961 г. по август 2021 г., по сравнению с 10 977 ссылками на «индустриализацию».

В знаменитом исследовании «Экономическое чудо», проведённом Всемирным банком в начале 1990-х годов [World Bank 1993], похвалы удостоились НИС — новые индустриальные страны (например, Малайзия и Таиланд). Рекомендации Всемирного банка для Вьетнама основывались на анализе экономики этих стран [World Bank 1995; подробнее см.: Fforde 2016, 2018]. Такая позиция была поддержана многими экспертами, например, Д. Родриком, который ввел термин «преждевременная деиндустриализация» («premature deindustrialization») [Rodrik 2015].

Анализ литературы по теме: разница позиций

Общая доктрина о необходимости и ценности индустриализации как стратегии развития никогда не вызывала сомнений. В давнем докладе Программы развития ООН для Вьетнама [UNDP 2005] в качестве стратегии предлагалась идея сервисизации, но, похоже, она была просто отложена. В докладе автора на конференции «40 лет реформам *Doi moi*» [Fforde

² Статистический ежегодник (Niên giám thống kê) Главного статистического управления Вьетнама, с 2005 г. доступен в электронном виде.

2016] предложено заново рассмотреть лозунг «модернизация и индустриализация». Позже появилась научная статья Нгуен Хиеу [Nguyen 2018], посвящённая структурным изменениям. Затем в работе Нгуен Динь Тюка и Та Фьюк Зыонга [Nguyen Dinh Chuc & Ta Phuoc Duong 2019] данный лозунг был подвергнут вежливой критике в самом названии: «Переход к услугам». Таким образом, уже в 2018 г. партийный подход к проблеме трансформировался, хотя еще в 2017 г. этот лозунг по-прежнему использовался, например, в области образования [Công nghiệp hóa, hiện đại hóa: 19.08.2017].

Рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть труды иностранных исследователей. Автор в работе «Да, а как насчёт услуг: меняется ли доктрина развития?» [Fforde 2018] открыто критиковал отсутствие интереса к процессу сервисизации, подчёркивая его актуальность. В работе М. Хелба и Б. Шеферда [Helbe & Shepherd 2018] и докладе Азиатского банка развития содержались положительные отзывы об «использовании услуг для развития». Японский экономист Н. Харагути считал, что предоставление услуг как часть от общего объёма глобального производства развивающихся стран не увеличилось, причиной чему послужила масштабная индустриализация в Китае [Haraguchi et al. 2017]. В Китае, по всей вероятности, сервисизация стала активно развиваться с начала текущего десятилетия, но, по мнению китайских экономистов, Коммунистическая партия Китая не имеет её продуманной концепции [Li & Lin 2018]. Можно также упомянуть другие исследования, которые, кажется, отказываются считаться с реалиями и природой сервисизации [Hoekman & te Velde 2017]. Как отмечалось в статье «Измерение экономических преобразований: что делать с отраслевым ВВП в постоянных ценах – данные из Вьетнама» [Fforde 2021], возникло множество теоретических проблем, требующих решения, например, неточности при измерении отраслевого ВВП в постоянных ценах (доступных показателей не хватает для оценки изменений реальных (объёмов) фактических затрат, что предписывается стандартной экономической теорией производства) [Arrow 1974].

Исходя из вышесказанного рассмотрим примечательные изменения во вьетнамской экономической стратегии.

Новый курс

В 2018 г. в политике КПВ произошло серьёзное смещение акцентов. В официальном разъяснении нового направления Нгуен Куанг Тхуан (в 2021 г. заместитель председателя Центрального теоретического совета партии) со ссылкой на документы XIII съезда КПВ отметил³: «Что касается развития сферы услуг, то в документах XIII съезда подчёркнуто содействие развитию сферы услуг в современном направлении, обеспечивающем более быстрые темпы роста, чем в производственных секторах и чем в целом рост национальной экономики... В документах выделено: “Уверенное развитие услуг... особенно с высокой добавленной стоимостью”» [Nguyễn Quang Thuấn 2021: 4].

Эти вопросы были конкретизированы в национальной стратегии развития на 2021 г.⁴, в которой отражён переход от индустриализации к увеличению доли сектора услуг в ВВП [Thủ tướng Chính phủ 2021]. Изменения стратегических акцентов в сочетании с реальностью сервисизации в период «экономического чуда» вызвали во Вьетнаме оживлённую дискуссию. По нашему мнению, Директива № 531 декларирует основной целью политики обеспечение

³ Неофициальный перевод автора.

⁴ Директива № 531 (18 страниц) дополнена соответствующими директивами, выпущенными отдельными провинциями и городами (www.thuvienphapluat.vn).

эффективной работы рыночных механизмов, для чего необходимо развивать отрасли с относительно высокой отдачей от трудозатрат и капиталовложений. Этим критериям отвечает сфера услуг, поэтому следует поощрять ее развитие.

Важно понимать, насколько необычным и новаторским является изменение вьетнамской политики в 2018–2021 гг. в глобальном контексте. Однако по мере того, как вопросы сферы услуг решаются и в определенный момент становятся неотъемлемой частью экономического роста, появляются признаки, указывающие на то, что Вьетнам может стать одной из первых быстрорастущих экономик, открыто принявших сервисизацию и через понимание этого улучшающих качество роста. Поскольку сервисизация в настоящее время (после окончания холодной войны) стала общемировым явлением, это наводит на мысль, что опыт Вьетнама может быть полезен и для других стран⁵. Вместе с тем научные исследования по-прежнему свидетельствуют о значительном уклоне в сторону индустриализации и отсутствии интереса к сервисизации [Fforde 2018]. На этом фоне вьетнамский пример развития сферы услуг поражает скоростью, с которой она увеличивается и развивается.

Поиск в Google термина «национальная стратегия услуг» даёт не так много результатов. Возможно, вьетнамцы уникальны в этой области – здесь необходимы дальнейшие исследования. Они могут включать изучение ситуации в таких странах, как Таиланд и Малайзия, получивших в начале 1990-х годов, сразу после окончания холодной войны, признание в качестве новых индустриальных стран.

Заключение

Как уже отмечалось, «индустриализации» придавалось особое значение в расчёте на ожидаемые экономические результаты. Однако многочисленные данные наводят на мысль, что не всё идёт как задумано, при этом удивляет отсутствие академического и экспертного анализа сложившейся ситуации.

Возможно, полученный опыт может иметь для Вьетнама непредвиденные последствия.

Во-первых, имеет ли значение «просчёт партии» в вопросе о том, что на самом деле стало драйвером быстрого роста? Это, с одной стороны, заставляет задуматься о роли национальной стратегии развития для завоевания политической поддержки партийного курса. Здесь, пожалуй, показательно достаточно оперативное появление новой стратегии. «Потеря лица» при этом, похоже, не имеет большого значения. Как заметил в 2019 г. в беседе с автором ведущий экономист на пенсии (долгое время послушно выступавший за индустриализацию, если следовать фактам), «динамическая гибкость — это главное (linh hoạt là chính)». По мнению автора, это подтверждает точку зрения С. Кузнецова о том, что именно фактические значения оплаты труда и дохода от капиталовложений, которые создают сбережения и спрос на товары и услуги, являются «реальными», а не попытки использовать данные по ВВП, чтобы говорить о «фактическом производстве». Важно то, что заработано и на что можно потратить [Fforde 2021].

Во-вторых, концепции индустриализации поверили не только государственные чиновники, но и граждане, у которых имелись к этому веские основания, поскольку её сторонниками были самые авторитетные доноры (Всемирный банк) и эксперты (Родрик, Оно). Очевидно, что последует значительное переосмысление курса, более того, говорят, что оно

⁵ Удивительно, что методы экономического анализа и практический опыт коммерциализации плановой экономики, которые были разработаны вьетнамцами в начале 1980-х годов, оказались вне поля зрения чиновников из СССР, тогдашнего крупного донора [Fforde & Mazyrin 2018]. См. также: [Prostiakov 1998].

уже происходит. Возможно, один из основных уроков заключается в том, что хорошо функционирующие рынки труда и капитала, достаточно мощные, чтобы реагировать на экономические сдвиги, а не на лозунги, требуют тщательного изучения. И, конечно же, если раньше чиновники могли «поднимать» государственные инвестиционные проекты, заявляя, что огромные инвестиции, необходимые для производства, принесут прибыль, а ущерб окружающей среде является частью быстрого роста, который в итоге создаст ресурсы для последующей очистки, то теперь менее вероятно, что это пройдет. Наконец, этот «поворот» – весьма плодотворное поле для научных исследований.

В-третьих, в фундаментальном плане «сервисизация» не до конца понятна и изучена, но имеет явно положительное значение для экономического роста и подталкивает национальное руководство к переориентации экономики не за счёт механистических методов, а в большей степени за счёт создания условий, дающих населению возможность принимать самостоятельные решения, пример в этом подаёт национальный рынок труда.

И в заключение замечу, что Вьетнам нередко преподносит сюрпризы исследователям.

Список литературы

Arrow K. The measurement of real value added, in: David, P.A. and Reder, M.W. (ed.) Nations and households in economic growth: essays in honor of Moses Abramovitz. New York: Academic Press, 1974. P. 3–19.

Công nghiệp hóa, hiện đại hóa và yêu cầu đối với giáo dục đại học hiện nay [Индустриализация, модернизация и требования к высшему образованию сегодня] // Nhân Dân. 19.08.2015. URL: www.nhandan.com.vn/giaoduc/dien-dan/item/27199202-cong-nghiep-hoa-hien-dai-hoa-va-yeu-cau-doi-voi-giao-duc-dai-hoc-hien-nay.html

Ellis J. Brute force: Allied strategy and tactics in the Second World War. New York: Viking, 1990.

Fforde A. & Mazyrin V. Soviet influence on Vietnamese development policy – some myths, in: Catherine Earl (ed.). Mythbusting Vietnam: Facts, Fictions, Fantasies. Copenhagen: NIAS, 2018.

Fforde A. & Paine S.H. The Limits of National Liberation – problems of economic management in the Democratic Republic of Vietnam, with a Statistical Appendix. London: Croom-Helm, 1987.

Fforde A. Measuring economic transformation – what to make of constant price sectoral GDP – evidence from Vietnam // Real World Economic Review. 2021. Issue 98.

Fforde A. Vietnam: economic strategy and economic reality // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2016. No 35 (2). P. 3–30.

Fforde A. Yes, but what about services: is development doctrine changing? // Canadian Journal of Development Studies. 2018. No. 39 (4). P. 550–568.

Fforde A., 2022, out to review. Lessons for heterodoxy from Vietnam – economic development and the ‘shift to services’.

Haraguchi N., Cheng C., and Smeets E. The Importance of Manufacturing in Economic Development: Has this Changed? // World Development. 2017. No. 93. P. 293–315.

Helbe M. & Shepherd B. (eds.). Leveraging Services for Development: Prospects and Policies. Tokyo: Asian Development Bank Research Institute, 2019.

Hoekman B. & te Velde D.W. Trade in services and economic transformation: a new development policy priority // SET Essay series. 2017, February. London: Overseas Development Institute.

Kuznets S. Uses of national income in peace and war // Occasional Paper. 1942. No. 6, March. New York: NBER.

Li Yongjian, Xia Jiechang & Lin Yujing. Model and Characteristics of China’s Service Sector Reform during 1978–2016 // China. 2018. No. 13 (4). P. 34–67

Nguyen Dinh Chuc & Ta Phuoc Duong. Trade, Structural Adjustments and Productivity Growth in Vietnam – The Shift to Services // Journal of Southeast Asian Economies. 2019. No. 36 (2). P. 256–273.

Nguyen H.C. Empirical Evidence of Structural Change – The Case of Vietnam’s Economic Growth // Journal of Southeast Asian Economies. 2018. No. 35 (2). P. 237–56.

Nguyễn Quang Thuấn. Những điểm mới về kinh tế trong Văn kiện Đại hội XIII của Đảng [Новое об экономике в документах XIII съезда партии] // Tạp chí Cộng sản [Коммунист]. 31.07.2021. URL: <https://www.tapchiconsan.org.vn/web/guest/kinh-te/-/2018/823738/nhung-diem-moi-ve-kinh-te-trong-van-kien-dai-hoi-xiii-cua-dang.aspx#>

Prostiakov I. Economic Reform in the Interregnum between Andropov and Gorbachev–Ryzhkov’, in: Michael Ellman and Vladimir Kontorovich (eds.). The Destruction of the Soviet Economic System: An Insiders’ History Armonk. NY: ME Sharpe, 1998.

Rodrik D. Premature deindustrialization // NBER Working Paper series 20935. Cambridge MA: NBER, 2015.

Thủ tướng Chính phủ. Quyết định số 531/QĐ-TTg “Phê duyệt Chiến lược tổng thể phát triển khu vực dịch vụ của Việt Nam thời kỳ 2021–2030, tầm nhìn đến năm 2050” [Указ премьер-министра № 531/QĐ-TTg об утверждении общей стратегии развития сферы услуг Вьетнама на период 2021–2030 гг. с перспективой до 2050 г.ер-министра]. 01.04.2021.

UNDP. Services Sector Development: A key to Viet Nam's Sustainable Growth. Hanoi: UNDP, 2005.

World Bank. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. Washington, DC: World Bank, 1993.

World Bank. Vietnam economic report on industrialization and industrial policy. Report # 14645-VN. Washington DC: World Bank, 1995.